

Меня проигнорировали, несмотря на мой отчаянный взгляд.

— Вы правда думаете, что этот канцлер — обычный псих? — он уже тыкал в меня пальцем, уверяя, что тот, потерпев неудачу в попытке проглотить страну, пойдёт на всё, лишь бы удержать принца.

— Над тем безумцем, что мчится, лечу я, — усмехнулся наследный принц. — Верно, виконт Хендрик?

Перед этим лукавым, скользким наследным принцем Белфри выглядел как пушистый котёнок.

Когда наследный принц продолжал тянуть время, у Белфри наконец лопнуло терпение, и он взвизгнул:

— У Его Высочества гора документов, которые он отложил! Мне их разбирать!

— Это ты сам увязался, потому что показалось весело, — лениво ответил наследный принц.

Их перепалка больше напоминала ссору друзей, знакомых лет десять, чем отношения господина и вассала.

Почему-то стало тоскливо.

Друзья детства со временем отдаляются — жизнь прижимает, — но ностальгия всё равно никуда не девается.

Рыцари Хенекена даже не смотрели в их сторону, сохраняя строй и наблюдая лишь за солдатами Линдберга.

Лея, скрестив руки, с кривой усмешкой наблюдала за всем этим.

— Ладно, я понял, давайте уже пойдём, — в конце концов я поднял руку, разнимая их.

Я и правда нервничал.

Если уж без чужой помощи не обойтись, то это мог быть только наследный принц. Я должен был быть благодарен и использовать выпавший шанс с умом.

Между ними объявили перемирие. Точнее, Белфри объявил — наследный принц, кажется, и не собирался продолжать.

А мне хотелось как можно скорее своими глазами увидеть Хенекен: понять, стоит ли выдавать туда сестру, обсудить с наследным принцем судьбу Линдберга...и, в конце концов, решить, на что мне жить, когда я перестану быть принцем.

— Вот видите, принц тоже говорит, что пора идти.

— Да понял я.

С выражением обречённости наследный принц положил ладонь на самый верхний камень — в вершине круга.

— Все внутрь.

Рыцари, служанка Леи, Марко с Элизабет, затем наследный принц и Белфри, Лея и я — около пятнадцати человек собрались внутри магического круга.

— Этот круг тоже построен Хенекемом? — спросил я, потому что с трудом верилось, что у Линдберга хватило бы технологий для такого.

— Нет. Очень давно — в те времена, когда Линдберг ещё стоял вровень с империей. Это совместное творение в честь мирного договора между двумя державами, — ответил Белфри и добавил, что тогда здесь даже охраны не было.

— Магия деградирует, если ей не пользоваться. Чтобы создать нечто подобное сейчас, Линдбергу понадобилось бы ещё лет десять.

Белфри усмехнулся и тут же покосился на Лею.

— В этом нет ошибки, так что не стоит на меня так смотреть, — ровно сказала она.

— А... да, — буркнул Белфри и замолчал.

Подул ветер, и тот самый непонятный аромат, который я почувствовал при первой встрече с наследным принцем, снова разлился вокруг.

Сердце забилося чаще.

До этого момента магию в этом мире я почти не видел — разве что когда Лея поджигала сигарету.

Марко говорил, что и освещение, и отопление — тоже магия, но, выросшему среди технологий, мне это казалось обыденным.

А вот сейчас...

С каждым порывом аромата волосы вставали дыбом, а по затылку пробегал холодок.

Я невольно уставился на губы наследного принца.

Что он скажет?

«Абра-кадабра»? «Сезам, откройся»?

Имена персонажей, названия магических кругов... Автор, может, и писал хорошо, но с чувством вкуса у него явно было не очень.

Если этот красавец вдруг торжественно выкрикнет «Сезам, откройся!», я просто не знал, как удержать лицо.

— Перемещение.

Пшшш.

Раздался звук, будто вышел воздух.

От такой простой и лаконичной «формулы» напряжение спало — и сознание поплыло.

Войти сюда можно было по собственной воле.

А вот выйти — уже нет.

Для меня таким местом был замок Линдбергов и спальня принца Карла Линдберга.

Роскошная тюрьма.

И, что хуже всего, построенная из перемолотых жизней людей.

Это не было метафорой.

Всё в королевском дворце Линдберга стояло на крови и поте подданных.

Полгода я жил там, широко открыв уши и крепко сжав рот, стараясь по возможности не показываться на глаза.

Свободы ещё не было, но когда передо мной раскинулась открытая равнина и маленькие, плотно прижавшиеся друг к другу деревни, мне стало... по-настоящему легче дышать.

— Добро пожаловать в Хенекен.

Наследный принц, спешившись для перехода через круг, снова легко вскочил в седло.

Зелёные поля — то ли ячмень, то ли пшеница — ложились и поднимались волнами на ветру, а маленькие дымоходы выпускали белёсый дым, будто оттуда вот-вот донесётся запах свежего хлеба.

Я был так заморожен, что не заметил, как наследный принц протянул мне руку.

— Карл Линдберг.

Он окликнул меня по имени дважды, прежде чем я очнулся.

— А... простите.

Я вложил ладонь в его руку — мозолистую, сильную — и он легко подтянул меня.

Лошади снова взмыли в небо, но теперь летели ниже и медленнее.

Дети, игравшие внизу, визжали от восторга и бежали следом.

Люди, развешивавшие бельё во дворах, махали руками, крестьяне распрямлялись и улыбались.

Детские щёки были пухлыми, лица взрослых — светлыми.

Наследный принц иногда отвечал им, поднимая руку.

Лея летела рядом и видела то же, что и я.

Её лицо было невозможно прочитать.

Я вспоминал слуг Линдберга, которые при встрече падали ниц и дрожали.

Я видел их нечасто, но и этого хватало, чтобы понять, насколько тяжела их жизнь.

Вес того, что несла в себе она — настоящая принцесса Линдберга, — и того, что чувствовал я, попаданец, были несоизмеримы.

— Нравится вид? — спросил наследный принц, и его спина под моей рукой отозвалась гулом.

Странно, но за какие-то несколько часов я словно начал улавливать его настроение по интонациям и жестам.

— Неплохо. Пейзаж красивый. И люди выглядят счастливыми.

Я ответил искренне — и с искренней симпатией.

Спина наследного принца чуть заметно качнулась, будто он был доволен.

— Возможно, вы не знаете, но когда-то это была одна из самых бесплодных земель на континенте. Предки приложили огромные усилия. Теперь нам приходится не столько возделывать её, сколько защищать — и это другая, но не меньшая работа.

Вернувшись на свою землю, он выглядел заметно спокойнее.

Да. Сохранить — не менее важно, чем создать.

Я знал это и сам: вне времени на еду, сон и умывание я почти безвылазно сидел над картами и книгами по истории.

Когда-то Линдберг тоже был достойной страной — процветающей и мирной, почти наравне с империей.

Но с каждым поколением он разлагался и гнил, пока для нынешних людей Линдберга гордость и мир не превратились в древнюю легенду.

Из тех, что начинаются словами: «А раньше-то...»

Если бы Карлу Линдбергу достались другие родители, он, возможно, не умер бы так бессмысленно.

А я, вместо того чтобы оказаться здесь, встретил бы Чон Чжэ Ён — уже ушедшую раньше меня — на лестнице в рай.

То ли от прохладного воздуха, то ли от внезапной тоски, на глаза навернулись слёзы.

Я резко откинулся назад и шмыгнул носом — только бы не оставить сопли на рубашке наследного принца.

— Сегодня вы какой-то странный, принц.

Он вдруг обернулся, и слёзы, которые я не успел проглотить, посыпались вниз.

Глаза, по цвету напоминавшие эти самые синие поля, расширились.

Он выглядел растерянным, но старался держаться спокойно. Я — тоже.

— Ч-что именно?

Я торопливо вытер глаза и натянуто улыбнулся.

Наследный принц посмотрел так, будто увидел нечто совершенно непонятное.

— Либо я сошёл с ума, либо вы... либо, как вы писали в письме, ваша болезнь действительно прошла. Я просто... не могу понять.

Последние слова прозвучали почти как бормотание.

Что — «не могу понять»?

Я и сам знаю, что выгляжу подозрительно.

Но нельзя ли просто закрыть на мелочи глаза?..

...я так и не смог ответить, проглотив это чувство сожаления внутри себя.

Мы миновали тихую деревушку и перелетели ещё одну крепостную стену. Протяжный звук рога остался позади, и мой взгляд тут же захватил совсем иной пейзаж.

Аккуратные домики с красными крышами и белыми стенами стояли ровными рядами. Лабиринт узких улочек, словно живой, переливался разными цветами.

Люди, ещё мгновение назад занятые своими делами, останавливались и, размахивая платками, приветствовали процессию наследного принца. В отличие от Линдберга, где одежда мужчин и женщин была разделена столь строго, будто это закреплено законом, здесь нередко можно было увидеть женщин в брюках. Из-за этого возникало ощущение, будто я оказался в каком-то современном европейском городке.

Под разноцветными тентами, на кафе-террасах с изящно изогнутыми столами и стульями, люди небольшими компаниями ужинали, переговариваясь и смеясь. В воздухе витал запах счастья и свободы.

— Это и есть императорский дворец.

<http://bllate.org/book/13881/1265793>